

Период 1971–73 — творческий пик К. В «нервных узлах» поэзии К. сталкиваются по-газетному злободневные и «вечные» темы: искусство и мещанство, экология и философия, история и музыка, политика и физика («**Дураки**», «**XX век**», «**Гойя**», «**1812**», «**Пять уроков**» и др.): «СБЕГАЙЯ с кистей на рогожу, / кармин, ОЖИВАИЯ, цвети!.. / О муза, о страстная, боже / ПОДАИЯ мне силы в пути!..» («Гойя»). Ни в одной из них поэт не поступает искренностью своей позиции («**Всем идолам души моей амнистия!** / Шурйте, держиморды, на покой!.. / Фонарик моего свободомыслия / включился достооевскою рукой»), которая не вписывается ни в какие общественные и официальные регламенты, публицистична и лирична одновременно: «**Прямой, как шпага, Гамлет белокурый / в толпу себя вонзил по рукоять**» («**Блеснул прожектор... Женщины, как куры...**»). Именно в этот период появляется первая запись в его записной книжке, многие из которых были впоследствии утеряны. Сохранились и фрагментарно опубликованы записи, сделанные К. с 1972 по 1985. В 1972 К. пишет: «Мне трудно быть искренним даже наедине с собой. Где-то между юностью и зрелостью, начитавшись остроумных книг, посмотревшись современных фильмов, где диалог идет всегда под высоким напряжением, где-то в той поре, когда надо выбрать между жизнью и существованием, я добровольно взял на себя крест вечно остроумного человека. Ирония — привилегия сильных людей, но трудно быть ироничным постоянно».

В этот «золотой» период созданы поэмы «**Вечная тема**» и «**Встречный**». В последней поэт зло иронизирует над кампаниями социалистической эпохи (комсомольские стройки), выявляя их страшную изнанку: «Тоске душевной нет причины, / взвивай знамена и костры!.. / Вас ждут таежные пучины! / Вас ждут почти антимирь! <...> А на другом унылом бреге / трудились „зэки“, „зэки“, „зэки“...» Понятно, почему редкие публикации стихов К. становятся возможны только под псевдонимами. Особенностью этого периода является большое количество конфискованных властями, утраченных произведений.

Стихи К. приобретают особенную выразительность («**Пьяная эпоха / совесть позабыла, / мнит себя в граните, / в треске кумача. / Монумент с секирой, / монумент с кобылой, / монумент в шинели / с чертова плеча**» — «**Монументы**»), а поведение вызывающим. Он устраивает эпатажные «выставки» рисунков и картин на тротуарах в центре Омска, исписывает своими стихами паспорт,

а в конце 1970-х, в самый пик брежневской эпохи, выходит на центральную улицу, повесив на грудь портрет генсека, вставленный в сидение для унитаза.

Наряду со стихами К. писал и прозу, но мн. прозаические произведения утрачены. Сохранился прозаический цикл «**Рассказы колхозника Барабанова**» (1969–70; впервые частично опубликован в 1997 в альм. «Иртыш»), его герой — фронтовик, инвалид на протезах — делится своим жизненным опытом («**Про окопы**», «**Как ловить тайменя**»). Барабанов, получив имя Аввакум, вновь появляется в написанной К. в 1971 в заключении повести «**Соринка**», как и автор, в роли ээка (за ворованные тюльпаны). Здесь герой проходит нравственные испытания тюремным бытом. В следующем цикле рассказов Барабанов превращается в бомжа.

За несколько месяцев до гибели К. власти стали откровенно угрожать поэту расправой. Последняя запись в его книжке выглядит так: «Всю зиму я существовал в психобольнице на правах „сына полка“. <...> Смычком любви я играю на гуслях прохладный вальс „Устал я жить“. <...> Предстоящий всем нам Страшный суд — это не более чем расширенный открытый военно-полевой трибунал». Летом 1985 труп К. был обнаружен в одном из центральных скверов Омска. Смерть наступила в результате невыясненных обстоятельств.

Спустя 5 лет после смерти поэта в Омском книжном изд-ве вышел его первый сб. стихов «**Провинциальная пристань**». Благодаря усилиям омского журналиста, близкого друга К. и хранителя его архивов (около тысячи названий) Г. Великосельского в 1998 в Омске вышла вторая посмертная книга К. «**Скелет звезды**», куда вошли частично стихи, поэмы, проза, а также рисунки К. В 2000 в Красноярске вышла книга стих. К. в серии «Поэты свинцового века» под редакцией Р. Солнцева.

Соч.: Провинциальная пристань. Омск, 1990; Скелеты звезды: Стихи. Поэмы. Проза. Иллюстрации автора. Омск, 1998; Стихи. Красноярск, 2000.

Лит.: Великосельский Г. Оpoznан, но не востребован... // Кутилов А. П. Скелеты звезды. Омск, 1998. С. 3–18; Пуханов В. Аркадий Кутилов сквозь призму театра // Омская газ. 2003. 15 июля. С. 3–4; Дерюшев А. Памяти А. Кутилова // Омская газ. 2003. 9 апр. С. 6–7; Стал город Омск — сплошная рана // Лит. Россия. 2003. 17 февр. С. 9.

А. О. Саар

КУШНЕР Александр Семенович [14.9.1936, Ленинград] — поэт, переводчик, эссеист.

А. С. Кушнер

В 1959 окончил ф-т русского яз. и лит-ры Ленинградского педагогического ин-та им. А. И. Герцена, мн. годы работал учителем в школе. Автор книг стихов **«Первое впечатление»** (1962), **«Ночной дозор»** (1966), **«Приметы»** (1969), **«Письмо»** (1974), **«Прямая речь»** (1975), **«Голос»** (1978), **«Таврический сад»** (1984), **«Дневные сны»** (1985), **«Живая изгородь»** (1988), **«Флейтист»** (1990), **«Ночная музыка»** (1991), **«На сумрачной звезде»** (1994), **«Летучая гряда»** (2000), сб. эссе **«Аполлон в снегу»** (1991), **«Тысячелистник»** (1998; книга стихов и эссе). Детям адресованы сб. поэта **«Заветное желание»** (1973), **«Город в подарок»** (1976, с предисл. В. Шефнера), **«Велосипед»** (1979), **«Веселая прогулка»** (1984), **«Как живете?»** (1988).

К.— поэт не стремительного, центробежного бега времени, который, по словам Маяковского, способен разрывать сердца, а поэт «тихий», поэт лирического пространства души, в которое он стягивает все впечатления, полученные им непосредственно от жизни или вычитанные из книг. Ему хочется, «чтобы в зыбкое пространство / Без устоев и дверей / Забрело постоянство / Тесной комнаты моей», он чуть ли не на каждом шагу обнаруживает родство с русской поэзией XIX и XX вв. (Батюшков, Пушкин, Баратынский, Тютчев, Фет, Анненский, ранняя Ахматова, Кузмин, Мандельштам, Набоков, Пастернак). Знание живописи, истории культуры,

чуткость к худож. опыту предшественников, живое ощущение их «соседства» весьма показательны для К. Описывая, например, стог, он замечает, что «на нем лежал тяжелый Фет», а восхищаясь «допотопной... красотой» сирени, ощущает: «Здесь уже побывал Кончаловский. / Трогал кисти и щурил глаза». В 1960-е, когда продолжала господствовать «громкая» поэзия, а «тихая лирика» только начинала привлекать к себе общественное внимание, приверженность К. к устоям культурных традиций и его постоянное стремление «сжимать, сжимать пространство, / Как пружину часовщик», дали повод некоторым критикам упрекнуть поэта в камерности и книжности, хотя на самом деле эти особенности его лирики означали не отгороженность от совр. жизни, а выявление ее новых связей с предшествующими эпохами.

Все проявления жизни для К. неизменно сопрягаются в душе человека. Образы жизни и души — излюбленные в его лирике. В них он стремится с реалистической точностью и психологической проникновенностью передать сложность взаимосвязей мира и человека. При всей своей внутренней сосредоточенности душа в лирике К. подвижна, но не расплывается в беспредметной безграничности, а имеет множество «зацеп» «в обстоятельствах... нашей жизни». Можно сказать, что лирическое пространство души поэта тесно «заставлено», оно постоянно расширяется и углубляется во взаимодействии с живой жизнью и книжной культурой.

В книге стихов «Приметы», завершающей ранний период творчества К. и намечающей перспективы нового, есть такие слова: «Я все со временем дружил, / Пространства трудного боялся...». Альтернативой этой «боязни» является пристрастие поэта к скульптурным, архитектурным, объемно-живописным, предметно-бытовым образам, а также к интерьерным (это не только комнатный, но и городской интерьер), обозреваемым изнутри формам.

В лирике К. даже «отточенный слух» прижимается к «созревшему звуку». Временной ряд переводится в пространственные координаты: «Посреди семидесятых, / Длинноногих, угловатых, / Обступивших нас годов». В описаниях и зарисовках поэта обращают на себя внимание перечисления, которые передают зримое продолжение души автора: «...обводил я быстрым взглядом / Окна, лица, край стола». В поэтике есть термин, введенный Ю. Тыняновым, — теснота стихового ряда. Применительно к К. можно сказать, что в его стихах есть теснота предметно-образного и культурно-исторического ряда, в котором

сам поэт отнюдь не чувствует себя стесненным. Через конкретные предметы осуществляется связь поэта с жизнью, в них объективируются его душевные переживания. Эта конкретность, раздвигая лирическое пространство души, вместе с тем придает ему внутреннюю подвижность, а в тех достаточно многочисленных случаях, когда обозревается культурно-исторический интерьер Ленинграда («Прогулки», «Этот сад, что над Невкой Большой...», «Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки...» и др.), она как бы вбирает в себя время. Сраченность души с определенным временем постоянно дает о себе знать и в описаниях вещей. Так, «старинный с бронзой комод / О веке вычурном и странном / Нам представление дает», а заодно — и о хозяйке этого комода: «Мы тоже кончимся. Так вот, / Боюсь, нас выдаст крупным планом / Сервант какой-нибудь с диваном, / Что минский делает завод».

Если молодой К. предпочитал наблюдать жизнь как бы с одной точки, то со временем он все чаще любит видеть ее на ходу, в движении. Постоянные прогулки по родному городу дополняются поездками по всей нашей стране, а после горбачевской перестройки — и за границу. Путешествия не только расширяют кругозор поэта, дают ему новые впечатления, но и помогают глубже постичь скрытую взаимосвязь между далеким и близким, историей и современностью. Такие пересечения и сопряжения делают лирическое пространство многомерным и широким.

Как человек городской культуры, К. с детских лет вбирал в себя ее богатые традиции. «Как клен и рябина растут у порога, / Росли у порога Растрелли и Росси, / И мы отличали ампир от барокко, / Как вы в этом возрасте ели от сосен», — писал он, обращаясь к поэта́м, выходцам из деревни. Вместе с тем ему близок и мир «сырой... красоты», мир природы. Природа не только успокаивает и просветляет душу, она пробуждает в человеке жажду жизни. «Резкий запах мокрой пеньки» у Тучкова моста, «запах лапы, веселый и жгучий», горьковатый вкус липы, «реки простыня, и складки на ней, / И слепящие нити дождливого дня» — все это заставляет поэта «вздрагнуть». Слово это, довольно часто встречающееся в стихах К., означает удивление, почти восторг, пробуждение чувств и мыслей, открытие поэтического в привычном и будничном потоке жизни.

В лирическом пространстве К. отражен прежде всего мир «нашей жизни дневной», но со временем в нем все больше находит отражение и ночной мир, родственник ночному

миру Тютчева и Анненского. Для контакта с этим таинственным и тревожным миром необходим тонкий слух, который у К. особенно чуток к звукам дождя, ветра, вообще непогоды, к чужому горю, неблагополучию, и поэтому он имеет, если так можно сказать, нравственную направленность («У меня зазвонил телефон...», «Прислушаюсь: не слышно ль разговора?...», «Мне боль придает одержимость и силу...», «Кто-то плачет всю ночь...» и др.). В связи с этим в лирике поэта постепенно возрастает значимость музыкального начала, нравство живого человеческого голоса, что сказывается прежде всего в усложнении ритмико-интонационного строя стиха.

Начиная с книги стихов «Таврический сад» К. вступает в период творческой зрелости, отличающийся развитием интонаций, рожденных глубоким и свободным дыханием, расширением связей лирического пространства поэта с океаном времени, постижением сложных связей между интимно-личным и общечеловеческим, природой и культурой, чувством и мыслью, миром дневным и ночным, между изобразительностью и музыкальностью, предметностью и духовностью, добром и злом, жизнью и смертью. В лирику поэта приходит тема любви, ранее представленная у него весьма скромно. Это любовь зрелой души, любовь «тихая», но глубокая, чуткая и трепетная, она значительна не только сама по себе, но и для восприятия поэтом жизни «в новом ракурсе», и для противостояния души хаосу и небытию.

В лирике и лит.-критических эссе рубежа XX и XXI веков К., активно утверждая свои постакмеистические, реалистические по существу мировосприятие и стиль, жестче, чем раньше, противопоставляет их изначально чуждым ему неоромантическим мировосприятиям и стилям, наиболее ярко проявившимся в творчестве Блока, Маяковского, Хлебникова, Цветаевой, Есенина. Говоря точнее, К. как трезвому реалисту и певцу предметной, окультуренной, духовно просветленной красоты и радости земной жизни особенно чужды трагизм, мистицизм и пророческий пафос в мировосприятии неоромантиков Серебряного века. И у близких ему акмеистов К. глубоко воспринимает прежде всего их радостное приятие красоты земной жизни (что особенно проявилось в творчестве любимого им М. Кузмина, автора манифеста «О прекрасной ясности»), а то, что некоторыми акмеистами было унаследовано от символистов или футуристов (трагизм, мистицизм, метафорический гиперболизм), ему и у акмеистов оста-

ется чуждым. О неприятии им творчества поздней Ахматовой (с его трагическими тайнами, сложной символикой и мистикой) К. весьма резко сказал в эссе «**Анна Андреевна и Анна Аркадьевна**» (Новый мир. 2000. № 2). В этом же эссе он заявил о близости ему реалистического мировосприятия Льва Толстого, чуждого, как известно, мистицизма и трагизма, проникнутого приятием земного бытия и отрицанием чудесного, божественного, сверхъестественного рождения и воскрешения Христа. Свое позитивно-реалистическое и одновременно антиромантическое кредо К. выразил в последних двух строчках своего стих., которым завершается его эссе: «А все-таки всех гениальней Толстой, / Ахматовой лучше, Цветевой выше!»

В 1996 за книгу стихов «**На «сумрачной звезде»**» К. удостоен Гос. премии России.

Соч.: Канва: Из шести книг. Л., 1981; Стихотворения / предисл. Д. Лихачева. Л., 1986; Избранное: Стихотворения / предисл. Иосифа Бродского. СПб., 1997; Стихотворения: Четыре десятилетия. М., 2000; Пятая стихия: Стихи и проза М., 2000; Подтасовка: [Ответ на статью Н. Ивановой «Подстановка»] // Новый мир. 2001. № 1.

Лит.: Владимиров С. Стих прекрасно так устроен... // День поэзии. Л., 1966; Марченко А. Что такое серьезная поэзия? // Вопр. лит-ры. 1966. № 11; Соловьев В. Совр. стих и классические традиции // Дружба народов. 1971. № 11; Аннинский Л. За линией примет // День поэзии. М., 1972; Гордин Я. Александр Кушнер.

Письмо // Звезда. 1974. № 12; Роднянская И. Прибавление к объему // Новый мир. 1977. № 10; Турбин В. Отражение отражений // Дружба народов. 1976. № 7; Григорьян Л. Кривое зеркало: Отклик на рец. В. Турбина // Лит. обозрение. 1977. № 1; Калмановский Е. Реальность поэзии // Звезда. 1982. № 5; Пьяных М. Лирическое пространство души: Поэзия А. Кушнера // Нева. 1982. № 2; Лихачев Д. Кратчайший путь // Лит. обозрение. 1985. № 11; Винокурова И. Александр Кушнер. «Живая изгородь» // Новый мир. 1989. № 3; Бродский И. Поэзия суть существование души // Лит. газ. 1990. № 34. 22 авг.; Македонов А. Другие поиски глубины; Кушнер, Горбовский // Македонов А. Свершения и кануны. Л., 1985; Пьяных М. Зрелость // Нева. 1995. № 3; Макарова И. Трансформация «чужого слова» в поэзии А. Кушнера // Макарова И. Очерки истории русской лит-ры XX в. СПб., 1995; Бродский И. Выбирай между путаницей и правдой // Лит. газ. 1996. № 37. 11 сент.; Пэн Д. Б. Мир в поэзии Александра Кушнера. Ростов н/Д., 1992; Визель М. И муза громких слов стыдится: Двенадцатикнижие Александра Кушнера // Лит. газ. 1996. № 30. 24 июля; Алехин А. Эффект масштаба // Лит. газ. 1998. № 23. 10 июня; Вольская Т. Преодолевая трагедию [Рец. на «Избранное» (1997)] // Знамя. 1998. № 8; Славянский Н. Театр теней // Москва. 1999. № 5; Роднянская И. И Кушнер стал нам скучен... // Новый мир. 1999. № 10; Арьев А. Маленькие тайны, или Явление Александра Кушнера // Арьев А. Царская ветка. СПб., 2000; Иванова Н. Подстановка: Лев Николаевич и Александр Семенович // Новый мир. 2000. № 9.

М. Ф. Пьяных

ЛАВРЕНЁВ (настоящая фамилия Сергеев) Борис Андреевич [5(17).7.1891, Херсон — 7.1.1959, Москва; похоронен на Новодевичьем кладбище] — прозаик, драматург.

Родился в учительской семье. По материнской линии происходил из старинного казачьего рода. Окончил 1-ю Херсонскую мужскую гимназию, в 1909–15 учился на юридическом ф-те Московского ун-та. Началом своего творчества сам Л. считал рассказ «**Гала-Петер**», написанный в 1916 на фронте (опубл. в 1924). Однако первые рассказы Л. под фамилией Сергеев появились еще в 1910 в московской газ. «Студенческая жизнь»: «**То было раннее весной...**» (7 нояб.) и «**Его смерть**» (12 дек.). Тогда же Л. начал публиковать и свои стих., но как поэт известен не стал. Писал для пе-

риодических изд. многочисленные рецензии и статьи.

После окончания ун-та Л., пройдя краткосрочные курсы военного училища, в чине поручика артиллерии участвовал в Первой мировой войне. Во время Февральской революции Л. был комендантом штаба революционных войск Московского гарнизона, а затем адъютантом коменданта Москвы. Октябрьская революция вызвала у него растерянность и смятение, в сент. 1918 Л. вернулся в Херсон. Но вскоре снова уехал в Москву; работал в Наркомпроде, а с дек. 1918 находился в рядах Красной Армии. В янв. 1920 уехал на Туркестанский фронт и сразу был назначен военным комендантом Ташкента, но пробыл на этой должности недолго, т. к. был арестован по подозрению в контрреволюционной дея-